

Ханна Вадас-Возьны

Языковая картина мира и перевод: ошибки и заблуждения

Przegląd Wschodnioeuropejski 1, 493-508

2010

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ХАННА ВАДАС-ВОЗЬНЫ
Akademia Podlaska w Siedlcach

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ПЕРЕВОД: ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Непонимание сущности базовых категорий, связанных с разграничением экстенциональных и интенциональных контекстов, приводит к многочисленным ошибкам и заблуждениям носителей и пользователей языка, с которыми неизбежно сталкивается переводчик при трансляции разных типов текстов в концептосферу и культуру другого языка¹.

Человеческий язык – не только арена презентации разума, но одновременно и область проявления неразумности носителей языка. К существующим в языке недоразумениям носители языка настолько привыкли, что их просто не замечают и над ними не задумываются. Между тем, имеют место многочисленные случаи, когда язык вводит человека в заблуждение, выдавая кажущееся за реальность.

В своём стремлении дать всему формально-логическое определение пользователь языка, не замечая того, выходит из области относительной логики в сферу абсолютного – бытия. То, что пребывает в названной сфере, есть само по себе и не допускает сравнения и знания, а только восприятие, понимание и компетенцию. Человек не только видит мир и отражает его в зеркале своего сознания, человек воспринимает мир – всматривается, вслушивается в него, пытается понять². Неразграничение экстенсии восприятия и интенсии отражения в трактовке явлений языка/речи сопряжено с многочисленными ошибками и заблуждениями. Проявленная в речевой деятельности реальность сама по себе, смешивается с отражённой в системе языка действительностью как таковой, что приводит к неразграничению относительного и абсолютного, картины мира и его архитектоники, т.е. семантики и категоризации.

---

¹ П.Г. Чеботарёв, *Перевод как средство и предмет обучения*, Москва 2006, с. 48–87.

² И.А. Стернин, *О некоторых особенностях польского коммуникативного поведения на фоне русского*, в: *Коммуникативное поведение славянских народов*, pod red. L. Szypielewicz, I. Sternin, Warszawa 2007, s. 17–23.

У переводчика не возникает особых трудностей при переводе дискурсивной речи. Такой перевод направлен на избежание грамматических ошибок. Однако ошибка – не заблуждение. Сделать ошибку – не значит впасть в заблуждение. Ошибка имеет отношение к миру, где действует закон причины и следствия. Причина ошибки – незнание определенных правил и принципов. Такое незнание можно поставить в вину тому, кто ошибается: правила надо знать. Безошибочность общественным мнением трактуется как совершенство.

В отличие от формирования процесс становления не лишён заблуждений. В этом процессе не действуют определённые правила и принципы – становление происходит закономерно.

В заблуждение человек впадает по наивности, некомпетентности, неразумности. Поиск истины без заблуждений невозможен. В мифологическом сознании заблуждение связывается с путём, с которого человек может сбиться. Однако он в этом не виновен: ср.: *черт дёрнул, дьявол искусил, бес понутал, diabeł podkusił/namotał, diabeł ogonem nakrył, diabli nadali* и т.п.

С методологической точки зрения, правильность – это относительный языковой (условный) концепт, в основе которого лежит представление (мнение). Заблуждение же проявляется в сфере безусловного (абсолютного), того, что есть на самом деле. И необходима мудрость, чтобы разграничить область условного и сферу абсолютного (категориального) – не смешивать разумное и умное, корректное и правильное.

Язык как средство социального общения создают не учёные и не философы (любомудры). Язык как средство коммуникации формируется обществом, которое в своём стремлении к совершенству стремится сделать совершенным и само используемое им основное средство общения. Так создаётся литературный (правильный) язык, которым с успехом пользуются члены общества. В языке как средстве общения общество первоочередное внимание привязывает к нормативной правильности³. Основным показателем речи образованного человека – её правильность.

Однако пользоваться языком – не значит быть его носителем. Нельзя использовать текст. Прочитанное письмо некорректно назвать использованным. В текстопорождающей речи не устанавливаются определённые принципы и правила, однако как и во всякой реальности в ней могут быть открыты те или иные закономерности. Критерием такой

³ И.С. Алексеева, Освоение текстовых жанров в письменном переводе, в: Профессиональный тренинг переводчика, С.-П. 2005, s. 165–262; М.П. Брандес, В.И. Провоторов, Переводческие нормы текста и языка, в: *Предпереводческий анализ текста*, Москва 2003, s. 28–29; F. Grucza, *Tłumaczenie, teoria tłumaczeń, translatoryka*, w: *Problemy translatoryki i dydaktyki translatorycznej*, pod red. F. Gruczy, Warszawa 1986, s. 9–27.

речи является не правильность, а п р и н я т о с т ь („законность”). Например, учёный говорит так, как принято говорить в его сфере. При этом не ставится цель убедить кого-л. в своём мнении, добиться общего согласия; существует только одно намерение – понять друг друга, доказать свою точку зрения. Вместо содержания, которое стоит за словами „да” и „нет”, культивируются смыслы, принимается „за” и „против”.

Говорить на разных языках (напр.: – *Мы с вами говорим на разных языках, Nie mówimy tu samym językiem* т.е. не понимаем друг друга) – значит говорить на языке концептов (образов) и языке речемыслительных категорий. Пользуясь первым языком, можно ошибиться, употребляя другой – впасть в заблуждение. По отношению к первому языку можно говорить об ошибочных мнениях, в связи с другим языком речь может идти о несостоятельных точках зрения. Формированию мнения (*Что люди скажут*) сопутствует становление субстанциональной мысли (*Как тот говорил*). „Тот”, на кого ссылаются в текстопорождающей речи, человек необразованный, но компетентный – носитель языка.

В грамматиках литературных языков, несмотря на имеющуюся формальную вариативность в их парадигматике, достаточно определённо прописаны правила использования грамматических единиц в каждом языке. Иначе обстоит дело с речью выразительной. И особую трудность составляет материал, где смешиваются формальные и субстанциональные элементы/единицы речи. Переводчик стоит перед дилеммой: сохранять оригинал со всеми его заблуждениями или корректировать, исходя из личного понимания состояния дел. Кроме того, неточность перевода напрямую зависит от идентификации единиц/элементов текстовой и дискурсивной природы.

В качестве образца языкового недоразумения можно привести субстантивированное прилагательное *новорожденный* 'только что, недавно родившийся'. Номинация *новорожденный ребёнок* искажает реальность, профанирует её. Нельзя сказать «Родился новый ребёнок». Определение *новое* прикладывается к вещам (*новый костюм, новая машина, новая квартира* и т.д.). Вещь – нечто производное. Ребёнок же не производится – он рождается. Ребёнок не может быть новым, а только ещё одним.

Явно профаническим является призыв «*К новым открытиям!*». В открытии нет ничего нового – есть пока неизвестное. *Учёный открыл новый закон. Учёные открыли ген гипертонии.* Будут ли корректными такие высказывания? Ведь закон и ген были до того, как их открыли.

Довольно часто грамматически правильное оказывается крайне неразумным. Учительница на уроке для определения вида глагола *умер* ставит к нему вопрос „*Что сделал?*”: *Он (что сделал?) умер* (совершенный вид). В данном случае смешивается действие и процесс, который идёт с а м

по себе и не зависит от воли человека. Некорректным будет также такой вопрос и к глаголу *расти*: *Трава (что делает?) растёт*. В ситуации роста и развития правомерным будет вопрос „*Что происходит?*” – с человеком, растением и т.п. Развитие принадлежит реальному миру событий.

Неразумным будет использование грамматического аппарата по отношению к формуле любви – *Я тебя люблю: Я (кто?) люблю (что делаю?) тебя (кого?)*. Звучит абсурдно: *Ты что делаешь? – Я тебя люблю*. Всякое действие осуществляется по схеме „если сделать то и то, то будет то и то”. Человек живёт в мире ожидания. Однако в сфере бытия нет „*может быть*” и „*будет*”. Здесь мы прикасаемся к тому, что **е с т ь**, чего никто никогда не делал (не причинял).

Современный русский дискурс переполнен многочисленными заблуждениями, профанирующими реальность.

Приведём некоторые из них:

Положение дел. Дела могут пребывать в том или ином состоянии.

Иметь право. Право (закон) – категория абсолютная. Его нельзя иметь. Можно *быть в праве* (напр.: *Вправе ли я так поступить?*)

Качество образования. Смешивается образование и обучение. Категория качества проявляется в обучении (ср.: рус. *учить – обучать*; польск. *uczuj sic – nauczaj*).

Приняться за работу. Ср.: *начать работать и приняться за дело, приступить к делу (...вам пора за дело приниматься, а мой удел – катиться дальше вниз.С.Есенин).*

В современной действительности на щит поднято междисциплинарное понятие *инновация*. Нередко его связывают с новизной, забывая, что есть *новация* (лат. *novatio* ‘обновление, изменение’) ‘нововведение’ *Формальная новация. Содержательная новация. Новатор (novator – изобретатель).* Новаторство может быть в области производства *Новатор производства. Новаторские методы работы. Новаторское предложение.* Инновационность может быть в промышленной (а не на производстве) сфере, где нет нового, но есть ещё неизвестное.

В качестве иллюстрации трудностей, возникающих при переводе текста в связи с наличием в нем дискурсивных элементов, нами взят для лингвистической экспертизы один абзац оригинального текста резюме диссертации на польском языке „*Walczyć nauką za sprawę Ojczyzny*”. *Zjazdy ponadzaborowe polskich środowisk naukowych i zawodowych jako czynnik integracji narodowej (1869–1914)*. Параллельный перевод данного документа выполнен двумя переводчиками (**N.** и **W.**) на русский язык. Фрагментарно отмечается наличие некорректных выражений (смешение интенциональных элементов и экстенциональных единиц) в остальных абзацах рассматриваемого текстового документа.

Для удобства экспертизы нами пронумерованы абзацы и фразы в пределах каждого абзаца. В качестве единицы перевода взята с и н т а г м а. Символом (+) отмечается безукоризненность (с нашей точки зрения) перевода; символ (?) свидетельствует о том, что у эксперта возникли претензии – к оригинальному тексту или его параллельным переводам.

Что касается названия диссертации и его параллельного перевода на русский язык.

TYTUŁ

„Walczyć nauką za sprawę Ojczyzny”. Zjazdy ponadzaborowe polskich środowisk naukowych i zawodowych jako czynnik integracji narodowej (1869–1914).

(N.) *„Наука в качестве средства борьбы за Родину”. Съезды представителей польских учёных и профессиональных групп из всех аннексированных территорий как фактор национальной интеграции (1869–1914).* (?)

(W.) *„Наука орудием борьбы за Родину”. Съезды представителей польских учёных и профессиональных групп со всех аннексированных территорий как фактор национальной интеграции (1869–1914).* (?)

В языке-оригинале название диссертации принадлежит к названиям комбинированного типа – состоит из двух частей: 1) интертекстуальной – цитатной („*Walczyć nauką za sprawę Ojczyzny*”), 2) дескриптивной – описательной *Zjazdy ponadzaborowe polskich środowisk naukowych i zawodowych jako czynnik integracji narodowej (1869–1914)*. О цитации свидетельствуют кавычки в первой части названия.

Комбинированный тип оригинального названия нивелируется обоими переводчиками, которые цитатное выражение подменяют описательным. (N.) *„Наука в качестве средства борьбы за Родину”*; (W.) *„Наука орудием борьбы за Родину”*.

В параллельных переводах цитатной части названия приводится совершенно противоположное понимание науки и её роли: наука как средство (N. *Наука в качестве средства борьбы...*); наука – инструмент-орудие (W. *„Наука орудием борьбы...”*). В смысловом плане эквивалентным является перевод W., в котором сохраняется инструментальный смысл науки, презентированный в цитации (ср.: «*Walczyć nauką...*»? *Наука орудием...*), однако приведенный оборот с творительным инструментальным является полонизмом и русскому языку не свойствен.

Обоими переводчиками не уловлена смысловая разница между понятиями *Родина* и *Отчизна* (...*za sprawę Ojczyzny*: N. ...*борьбы за*

Роди́ну; (W.) **...борьбы за Роди́ну).** *Родина* – мать (Ср.: *Родина-мать зовёт!*) В номинациях же польск. *Ojczyzna* (ср. бел. *айчына, бацькаўчына*, нем. *Vaterland*) выразительно звучит „линия отца”. (ср.: *патриотизм*). *Родина* – языковой концепт, *Отечество* же приобретает категориальный смысл. Ср.: бел. *матчына мова*, но польск. *język ojczysty*.

Что касается текста резюме и его параллельного перевода на русский язык.

РЕЗЮМЕ

1) *Przedstawione w rozprawie zjazdy międzyzaborowe stały się w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku miejscem cyklicznych kontaktów polskich uczonych i specjalistów z różnych dziedzin, ważnym forum wymiany naukowej i doświadczeń zawodowych.* 2) *Spotkania te zapoczątkowali lekarze i przyrodnicy.* 3) *Ich pierwszy zjazd odbył się w Krakowie w 1869 r.* 4) *Za przykładem lekarzy i przyrodników poszli przedstawiciele innych środowisk naukowych i zawodowych, m. in. technicy, prawnicy i ekonomiści, historycy.* 5) *Ogółem od 1869 r. do wybuchu I wojny światowej odbyło się ponad sześćdziesiąt zjazdów o zasięgu ogólnopolskim.*

(N.) 1) *Названные в диссертации съезды представителей всех аннексированных территорий во второй половине XIX и в начале XX веков стали местом регулярных контактов польских учёных и специалистов из разных дисциплин, значимым форумом научного и профессионального обмена.* 2) *Начало этим встречам положили врачи и естествоведы.* 3) *Их первый съезд состоялся в Кракове в 1869 году.* 4) *Врачам и естествоведам последовали представители других научных и профессиональных кругов, в том числе техники, юристы и экономисты, историки.* 5) *С 1869 года до начала первой мировой войны было проведено свыше шестидесяти общепольских съездов.*

(W.) *В диссертации рассматриваются съезды представителей всех аннексированных территорий во второй половине XIX и в начале XX веков, способствовавшие периодическим контактам польских учёных и специалистов разных дисциплин и ставшие важным форумом научного и профессионального обмена.* 2) *Начало этим встречам положили группы врачей и естествоведов.* 3) *Их первый съезд состоялся в Кракове в 1869 году.* 4) *Врачам и естествоведам последовали представители других научных и профессиональных кругов, в том числе техники, юристы, экономисты и историки.* 5) *С 1869 года до начала первой мировой войны было проведено свыше шестидесяти общепольских съездов.*

Przedstawione w rozprawie zjazdu...

(N.) Названные в диссертации съезды...(+)

(W.) В диссертации рассматриваются съезды (+)

В оригинальном тексте приведенная синтагма является некорректной – в ней интенциональный элемент *przedstawione* сочетается с экстенциональным *w rozprawie*. В научном труде (*rozprawie*) не может быть репрезентации (представления). Научный текст, в отличие от дискурса, презентурует (предъявляет, транслирует), но не представляет. Оба переводчика правомерно корригируют синтагму в тексте своих переводов в экстенциональном (номинативном) ракурсе. Причем переводчик W. отдаёт предпочтение дескриптивному (описательному) эквиваленту, что вполне допустимо, т.к. не приводит к потере смысла.

zjazdu międzyzaborowe

(N.) и (W.) съезды представителей всех аннексированных территорий (+)

Польский номинативный историзм *zabór* передаётся в русском языке описательно – захваченная (аннексированная) территория.

w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku

(N.) и (W.) во второй половине XIX и в начале XX веков (+)

Перевод является примером грамматического (регулярного) несоответствия форм числа в русском и польском языках (польск. *wieku* – ед.ч., рус. *веков* – мн.ч.)

stały się miejscem kontaktów

(N.) стали местом контактов (+)

(W.) способствовавшие контактам (?)

Переводчик W. допускает отступления от оригинала, выражая мысль, что встречи способствовали контактам.

cyklicznych kontaktów

(N.) регулярных контактов (?) Выражение некорректное. Контакт как центральное понятие восприятия, в отличие от отражения, не характеризуется через правильность (регулярность). Релевантной для описания контакта является его закономерность (периодичность); польск. *cykliczność* – рус. *периодичность*. Регулярно или периодически? От выбора экстенциональной (эволюционной) периодичности или интенциональной регулярности зависит тип контекста. Смешение порождает заблуждение.

(W.) периодическим контактам (+)

polskich uczonych i specjalistów z różnych dziedzin

(N.) польских учёных и специалистов из разных дисциплин (+)

(W.) польских учёных и специалистов разных дисциплин (+)

ważnym forum

(N.) *значимым форумом* (+)

(W.) *важным форумом* (+)

Слово *forum* придаёт тексту велеречивость.

wymiany naukowej i doświadczeń zawodowych

(N.) и (W.) *научного и профессионального обмена* (+)

2) *Spotkania te zapoczątkowali lekarze i przyrodnicy.*

(N.) *Начало этим встречам положили врачи и естествоведы.* (?)

Понятия *встреча, контакт* не являются терминами положения. Нельзя *положить начало встречам* (начать не то, что *приступить к...*)

(W.) *Начало этим встречам положили группы врачей и естествоведов* (?) О *группах* ничего не говорится в оригинале.

3) *Ich pierwszy zjazd odbył się w Krakowie w 1869 r.*

(N.) и (W.) *Их первый съезд состоялся в Кракове в 1869 году.* (+)

4) ***Za przykładem lekarzy i przyrodników poszli przedstawiciele innych środowisk naukowych i zawodowych, m. in. technicy, prawnicy i ekonomiści, historycy.*** (+)

(N.) *Врачам и естествоведам последовали представители других научных и профессиональных кругов, в том числе техники, юристы и экономисты, историки.* (+)

(W.) *Врачам и естествоведам последовали представители других научных и профессиональных кругов, в том числе техники, юристы, экономисты и историки.* (+)

5) *Ogółem od 1869 r. do wybuchu I wojny światowej odbyło się ponad sześćdziesiąt zjazdów o zasięgu ogólnopolskim.*

(N.) и (W.) *С 1869 года до начала первой мировой войны было проведено свыше шестидесяти общепольских съездов.* (+)

Рус. *было проведено* не является эквивалентом польск. ***odbyło się.*** Точный эквивалент – *состоялось.* Исполненная в экстенциональном контексте польская фраза, трансформирована переводчиками в контекст интенциональный.

С учётом экстенционально-интенциональной коррекции отметим без интерпретации (пояснения) в последующих абзацах (II, III, IV) синтагмы, в которых неоправданно смешиваются категориальные единицы и семантические концепты; предлагается корректная, с нашей точки зрения их версия.

II. Ta forma kontaktów ponadzaborowych w ramach zjazdów środowisk naukowych i zawodowych była wcześniejsza od ogólnopolskich ruchów i nurtów politycznych. Stanowiła w pozytywnym duchu przeniesienie walki zbrojnej o przetrwanie narodu w sferę nauki i doskonalenia zawodowego. Wśród

inicjatorów i obecnych na tych spotkaniach znajdujemy wielu uczestników zrywów niepodległościowych, m.in. pomysłodawców organizowania zjazdów Adriana Baranieckiego i Polikarpa Girsztowta, a także Józefa Dietla, Wiktora Szokalskiego i wielu innych. Kolejne pokolenie uczestników spotkań międzyzaborowych podjęło trud organizowania polskiej nauki w warunkach niepodległego państwa. Z tych ostatnich można wymienić Heliodora Świącickiego, pierwszego rektora uniwersytetu w Poznaniu, a także współorganizatora studiów medycznych na tamtejszej uczelni, Pawła Gantkowskiego. Nie można pominąć też założonych dla budowy porządku prawnego II Rzeczypospolitej Alfonsa Parczewskiego i przede wszystkim Adolfa Suligowskiego.

(N.) Съезды представителей научных и профессиональных кругов из разных аннексированных территорий, как форма контакта, предшествовали общепольским политическим течениям и направлениям. По сути дела, они являлись в позитивистском смысле перенесением вооружённой борьбы за сохранение нации в сферу науки и профессионального совершенствования. Среди зачинателей и участников на этих встречах мы находим имена многих участников национально-освободительного движения, таких как авторы идеи организации съездов: Adrian Baraniecki и Polikarp Girsztowt, а также Józef Dietl, Wiktor Szokalski и многие другие. Следующее поколение участников общепольских встреч времён аннексии взяло на себя организацию польской науки в независимом государстве. Среди них Heliodor Świącicki – первый ректор университета в Познани, а также один из организаторов медицинской специальности в этом вузе – Paweł Gantkowski. Нельзя не упомянуть имена таких деятелей, как Alfons Parczewski и Adolf Suligowski, чьи заслуги для построения правопорядка во II Речи Посполитой особенно велики.

(W.) Как форма контакта, названные съезды представителей научных и профессиональных кругов с разных аннексированных территорий, предшествовали возникновению общепольских политических течений и направлений. По сути дела, они позитивистски переводили вооружённую борьбу за сохранение нации в сферу науки и профессионального совершенствования. Среди зачинателей и участников этих встреч были представители национально-освободительного движения, например, авторы идеи организации съездов: Адриан Баранецки (Adrian Baraniecki) и Поликарп Гирштовт (Polikarp Girsztowt), а также Юзеф Дитл (Józef Dietl), Виктор Шокальски (Wiktor Szokalski) и многие другие. Молодое поколение участников общепольских встреч времён аннексии потом, уже в независимом государстве, взяло на себя организацию польской науки. Среди них был Хелиодор Свенцицки (Heliodor Świącicki), первый ректор университета в Познани, а также один из организаторов медицинской специальности в этом вузе, Павел Гантковски (Paweł Gantkowski). Нельзя

не упомянуть и таких деятелей, как Альфонс Парчевски (Alfons Parczewski) и, прежде всего, Адольф Сулиговски (Adolf Suligowski), которые внесли большой вклад в развитие правопорядка во II Речи Посполитой.

III. W organizacji zjazdów dostrzega się ewolucję od imprez o charakterze ogólnym (lekarzy i przyrodników, prawników i ekonomistów, techników) do ściśle specjalistycznych. Pierwsze symptomy tych przemian pojawiły się już w latach osiemdziesiątych XIX stulecia. Najpierw swoje oddzielne spotkanie zorganizowali chirurdzy. Za ich przykładem poszli: ze środowisk przyrodniczych i medycznych – interniści, neurologrzy, psychiatrzy i psychologzy, balneolodzy, leśnicy; technicznych – przemysłowcy, elektrotechnicy; prawników i ekonomistów – adwokaci. Pojawiały się też postulaty zorganizowania odrębnych spotkań przez kolejne grupy zawodowe, m. in. chemików, filozofów, specjalistów z różnych dziedzin technicznych. W większości plany w tym zakresie zostały zrealizowane już w II Rzeczypospolitej.

(N.) В организации съездов наблюдается эволюция: сначала были организованы мероприятия общего характера (врачей и естествоведов, юристов и экономистов, техников), потом стали проводить строго специализированные съезды. Первые симптомы таких перемен появились уже в семидесятые годы XIX столетия. Хирурги первыми организовали встречи в своём кругу. Примеру хирургов последовали терапевты, неврологи, психиатры и психологи, бальнеологи, лесоводы – из естествоведческих и медицинских кругов; промышленники, электротехники – из технических кругов; адвокаты – из круга юристов и экономистов. Появились также идеи организовать встречи в других профессиональных группах, в том числе среди химиков, философов, специалистов из разных технических дисциплин. Большинство этих планов превратилось в действительность только во II Речи Посполитой.

(W.) В организации съездов наблюдается определённая эволюция: сначала были организованы мероприятия общего характера (врачей и естествоведов, юристов и экономистов, техников), потом стали проводить строго специализированные съезды. Первые признаки таких перемен появились уже в семидесятые годы XIX столетия. Хирурги первыми организовали встречи в своём кругу. Примеру хирургов последовали терапевты, неврологи, психиатры и психологи, бальнеологи, лесоводы – из медицинских и естествоведческих кругов; промышленники, электротехники – из технических кругов; адвокаты – из круга юристов и экономистов. Появилась также идея организовать встречи других профессиональных групп, в том числе среди химиков, философов и специалистов разных технических дисциплин. Большинство этих планов осуществилось только во II Речи Посполитой.

IV. Zjazdy polskich środowisk naukowych i zawodowych od 1869 r. do wybuchu I wojny światowej stały się ważnym czynnikiem tworzenia więzi narodowej, jak również umożliwiały transfer dorobku naukowego. O tak istotnym znaczeniu tej formy kontaktów decydowały duża liczba tych spotkań, obecność przedstawicieli wszystkich zaborów i ośrodków emigracyjnych, podejmowana problematyka, a także atmosfera imprez towarzyskich i wycieczek. Uczestnicy swoją obecnością i zaangażowaniem nie tylko demonstrowali, ale w praktyce przyczyniali się do nawiązywania bliskiej łączności środowisk polskich ponad kordonami granicznymi.

(N.) Съезды польских научных и профессиональных кругов с 1869 года до начала первой мировой войны стали значимым фактором создания национального единства, а также способствовали распространению научных достижений. Такая форма контакта была чрезвычайно значимой благодаря большому количеству встреч, присутствию представителей всех аннексированных территорий и центров эмиграции, благодаря рассматриваемой проблематике, а также особой атмосфере дружеских мероприятий и экскурсий. Участники своим присутствием и активностью не только демонстрировали единство, но на практике подключались к поддержке тесных связей польской среды, невзирая на границы.

(W.) Съезды польских научных и профессиональных кругов с 1869 года до начала первой мировой войны стали значительным фактором создания национального единства, а также способствовали трансферу научных достижений. Эта форма общения была чрезвычайно важной благодаря большому количеству таких встреч и присутствию на них представителей всех аннексированных территорий и центров эмиграции; положительную роль сыграла тематика рассматриваемых научных проблем и особая атмосфера дружеских мероприятий и экскурсий. Участники своим присутствием и активностью не только демонстрировали тесные связи внутри польской среды, но на практике подключались к поддержке её сплочённости, несмотря на разную государственную принадлежность этой среды.

Таблица 1

Оригинал	N.	W.	Эксперт
II абзац			
forma kontaktów	<i>как форма контакта (?)</i>	<i>как форма контакта (?)</i>	Подобный тип контактов (+)
Stanowiła w pozytywistycznym duchu przeniesienie...	<i>являлись в позитивистском смысле перенесением (+)</i>	<i>позитивистски переводили (?)</i>	Версия N. (+)
Wśród inicjatorów i obecnych...	<i>Среди зачинателей <...> на этих встречах(?)</i>	<i>Среди зачинателей <...> этих встреч (?)</i>	Среди инициаторов этих встреч (+)
pomysłodawców	<i>авторы идеи (?)</i>	<i>авторы идеи (?)</i>	инициаторы (+)
zasłużonych dla budowy porządku prawnego II Rzeczypospolitej	<i>заслуги велики (?)</i>	<i>которые внесли большой вклад в развитие (+)</i>	заслуги значительны (+)
III абзац			
dostrzeża się ewolucję	<i>наблюдается эволюция (+)</i>	<i>наблюдается определённая эволюция (?)</i>	замечается <известная > эволюция (+)
impresz o charakterze ogólnym	<i>мероприятия общего характера(?)</i>	<i>мероприятия общего характера(?)</i>	мероприятия более глобальные(+)
Pierwsze symptomy tych przemian	<i>Первые симптомы таких перемен (+)</i>	<i>Первые признаки таких перемен (?)</i>	Версия N. (+)
plany w tym zakresie zostały zrealizowane	<i>Большинство этих планов превратилось в действительность (?)</i>	<i>Большинство этих планов осуществилось (+)</i>	Версия W. (+)
IV абзац			
środowisk naukowych i zawodowych	<i>научных и профессиональных кругов (?)</i>	<i>научных и профессиональных кругов (?)</i>	научных коллективов и профессиональных групп (кругов)(+)
tej formy kontaktów	<i>Такая форма контакта (?)</i>	<i>Эта форма общения (?)</i>	подобные контакты (+)
transfer dorobku naukowego	<i>способствовали распространению научных достижений (+)</i>	<i>способствовали трансферу научных достижений (+)</i>	Версия N. и W. (+)
O tak istotnym znaczeniu	<i>благодаря рассматриваемой проблематике (+)</i>	<i>положительную роль сыграла (?)</i>	позитивную роль сыграла (+)
ponad kordonami granicznymi.	<i>невзирая на границы (+)</i>	<i>несмотря на разную государственную принадлежность этой среды. (?)</i>	Версия N. (+)

Проведенная лингвистическая экспертиза свидетельствует о том, какую огромную роль в переводческой деятельности играет момент разграничения интенциональных контекстов, называемых контекстами мнения, и экстенциональных (по сути эволюционных) контекстов. Смещение единиц экстенциональных контекстов – выражений – и элементов интенциональных контекстов – слов (словоформ) – в тексте оригинала ставит переводчика перед дилеммой правки оригинального текста. Подобная коррекция может быть достигнута в результате передачи смысла текста только в одном (собственном) контексте – экстенциональном, не допуская в него дискурсивных элементов. Занимаясь переводом текста, переводчик должен „исходить из...”, а не „основываться на...”. При таком подходе переводчик является одновременно и редактором и корректором не безукоризненного в речевом исполнении оригинального текста.

Очевидно, что вопросы права непрерывно сопутствуют переводу текста документа. Насколько правомерна коррекция оригинального текста? Очевидно, что в тексте документа изменять ничего нельзя. Однако вопрос об изменении здесь и не стоит – только о коррекции (модификации). Возьмём пример из переводческой практики: в польском документе территория Украины разделяется на *powiaty*, при этом столица такого *uezda* названа *Jubsbcka*. Вправе ли переводчик корректировать такого рода явные ошибки?

В отличие от художественного произведения, при переводе текста упор ставится не столько на совершенство (*лучше*), сколько на точность (*точнее*) и достоверность. Всякое выражение может быть воспринято как более или менее удачное. Мастерство переводчика заключается в том, чтобы найти наиболее удачное в смысловом плане выражение и при этом не погрешить против достоверности оригинального текста документа.

Несомненно, что стремясь к адекватной передаче смысла текста оригинала и к его корректному выражению переводчик не должен переступать предел (меру), за которым искажается смысл и теряется информация оригинального текста. В противном случае возникают претензии к достоверности перевода, а это чревато юридическими последствиями для переводчика.

Трудности при переводе текста сводятся к подбору смысловых эквивалентов в языке перевода, т.е. связаны с точной и описательной (приблизительной) референцией в сопоставляемых языках. Нередко в одном из языков невозможно найти точный эквивалент единице другого языка и приходится её заимствовать (варваризм) или же транслировать её смысл только о п и с а т е л ь н о. Переводчик и щ е т именно то выражение. Не находя «именно того» выражения, он вынужден заимствовать или описывать – прибегать к перифразе. Такой поиск есть

своего рода «версификация» – выдвижение версий, позволяющих наиболее точно транслитерировать смысл.

Необходимость заимствования (оправданного или неоправданного – варваризмы) – извечная проблема перевода. Например, в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин, описывая реалии быта французов, сталкивается со словом *trottoir* (тротуар). Он выходит из ситуации так: 1) транслитерирует *trottoir* на русский язык, 2) описывая тут же чуждую русской культуре реалию, 3) подыскивает русский эквивалент: *Улицы широки и отменно чисты везде т р о т у а р ы, или камнем высланные дорожки для пеших. Ср.: Нет города, столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие т р о т у а р ы, которые по русски можно назвать наместами* (Письма русского путешественника). В этом отрывке переводчик выдвигает 3 версии: транслитерация – *тротуар*; дескриптивизация – *камнем высланные дорожки для пеших*; номинация – *наместы*. Возможна и 4-я версия – неаккомодированное заимствование – *trottoir*. А.С.Пушкин, например, в «Евгении Онегине» слова *панталоны, фрак, жилет* употребляет по-французски.

Переводя текст, переводчик-транслятор сталкивается с экзотикой сопоставляемых языков. Некоторые наблюдения:

Польск. *koronować* не является точным смысловым эквивалентом рус. *венчать*, по причине разной мотивации этих слов. *Корона* – это не то, что *венец*. *Король* – не *царь*, *королева* – не *царица*, *королевство* – не *царство*. *Венчать на царство* не то, что *koronować*. *Koronowana głowa* – король.

Рус. *служить молебен* – польск. *odprawiać nabożeństwo*. *Odprawiać* – не то, что *служить*. Слово *служить* имеет функциональное значение: служащий выступает как средство. В то время как *odprawiać* предполагает инструментальность, позитивное «как». Глагол *служить* – имеет функциональное значение и относится к сфере семантики, в то время как глагол *odprawiać* – обладает смыслом и принадлежит прагматике (делу). В русском языке также есть прагматический момент богоугодничества – русские говорят – *богоугодное дело*.

Наблюдаем факты: то, что в одном языке обладает смыслом и принадлежит прагматике языка, в другом – имеет значение и относится к языковой семантике.

Воспринимая незнакомый язык, каждый человек пытается уловить в нём какое-то подобие родному языку. Такая идентификация к родному языку иностранного материала порождает немалую трудность понимания и является источником многих заблуждений не только рядового носителя языка, но и переводчика. В теории перевода подобные заблуждения названы «ложными друзьями переводчика» – „fałszywi przyjaciele tłumacza”

(ср.: польск. *sklep* – рус. *склеп* и т.п.). Из воспоминаний студента-москвича (Игорь Коршунов из Москвы), который только-что приехал для обучения в польский город:

„Меня удивило, что в польском языке имеется довольно большое количество слов, поразительно напоминающих русские, но имеющих совершенно иное значение. Так, польское слово *«стул»* на деле означает *«стол»*. Стул же по-польски звучит как *«кишесло»*, а кресло – как *«фотель»!* Глагол *«запаментать»* – означает *«забыть»*, а собственно, *«забыть»* по-польски звучит как *«запомнеть»*. Помню, как меня и двух моих друзей едва удар не хватил, когда, находясь, по нашим подсчётам, в пяти минутах ходьбы от места нашей расквартировки, я обратился с вопросом к проходящим мимо девушкам *«Далеко до академика?»*, и услышал в ответ: *«Цалы час просто!»*. Как сумасшедшие ринулись мы в указанном направлении, так как через пятнадцать минут мы должны были встретиться у общежития с товарищами по группе! К нашему огромному удивлению через пять минут мы уже выбежали к нашему общежитию. Так я изучил значение польского *«цалы час просто»* и всю жизнь буду знать, что это означает *«всё время прямо»*”.

Перевод является особым видом деятельности, в которой, как и во всякой человеческой деятельности находят отражение и осуществление принципы сохранения и изменения. Принцип сохранения в наибольшей степени является актуальным, когда перед переводчиком стоит цель сохранить и точно передать смысл, выраженный на одном языке, средствами другого языка. В качестве специфической особенности перевода, отграничивающей его от других видов речевой деятельности, (таких, например, как пересказ, аннотация и т.п.), можно назвать его нацеленность на полноту и точность передачи оригинального смысла, сохранение оригинальной языковой картины мира. Перевод использует ресурсы естественных языков, объединяя два акта речи на разных языках в едином акте общения. Принято считать, что роль переводчика заключается в преодолении языкового барьера, однако в реальных условиях полнота и точность, присущие целевой установке переводческой деятельности, достигаются не всегда. Переводчику приходится постоянно балансировать между большим и меньшим злом — он вынужден отказываться от передачи одних значений или их оттенков для того, чтобы сохранить, выделить другие. На этом нелёгком пути нетрудно споткнуться, допустить ошибку или впасть в заблуждение. В связи с этим в лингвистике ведутся дискуссии вокруг непереводаемости, адекватности передачи национальных реалий и т.п.

A Linguistic Image of the World in Translation: errors and mistakes

A lack of understanding of the basic categories related to the separation of extensional and intentional contexts can lead to errors and mistakes both in the case of native and non-native speakers. For that reason the interpreter should be exceptionally cautious while translating various texts deeply rooted in a different culture.

Any language may turn into an image of misguided feelings due to an erratic perception of the world, undisclosed to the unaware user who is hampered by habits and routine. Explaining the difference between the simple and continuous tenses by using the sentence 'He died' and asking the questions: 'What did he do?' and 'What was he doing?' is obviously wrong because dying is a process beyond the control of the human will. The sentence 'The scientists discovered a new gene' is another example of an erratic use of language because the gene had already existed before the discovery was made.

The article analyses two translations from Polish to Russian of the very same original text with the intention to determine their extensional and intentional accordance.